

Продолженіе „Городка Окурова“.

М. Горькій продолжаетъ въ выходящемъ на-дняхъ ХХІХ сборникѣ „Знанія“ свою „Хронику городка Окурова“. „Передъ объявленіемъ „свободы“ заволновался и городокъ Окуровъ,—разсказываетъ Горькій. Городъ... былъ весь наполненъ осторожнымъ шопотомъ: шептались и обыватели, и начальство, только одинъ Коля телеграфистъ горорилъ громко и день ото дня становился все болѣе дерзкимъ въ рѣчахъ“. Онъ доказывалъ, что дальше „невозможно жить такъ, какъ жили до сей поры“.

Окончательно взволновались обыватели, когда началась почтово-телеграфная забастовка, и въ городъ не влетала уже по утрамъ почтовая тройка изъ губерніи. „...Все остановилось: остался среди лѣсовъ и болотъ маленькій городокъ, и всѣ люди въ немъ почувствовали себя забытыми, одиночными на землѣ“. Первый боецъ въ городѣ, Вавило Бурмистровъ, расхаживалъ по городу и въ упоеніи кричалъ; „...на дыбы встаютъ люди—вѣрно? Пришелъ день! Слышалъ—свобода? Хочу—живу, хочу—нѣтъ, а? Однако, напившись на радостяхъ, Вавило убилъ въ пьяномъ видѣ поэта Силу Дѣвушкина, котораго засталъ у своей любовницы. Въ день 14 октября онъ, воспользовавшись общей суматохой, бѣжалъ изъ тюрьмы и, безсознательно ища спасенія отъ правосудія, становится во главѣ мѣщанства, которое объединилось, чтобы дать отпоръ слободскимъ обывателямъ,—сторонникамъ непонятной, но уже ненавистной мѣщанству „свободы“. Завязался бой. Мѣщанство, благодаря Вавилѣ, одолѣло, послѣ чего свело его обратно въ тюрьму,—Мы тебѣ, другъ, не потатчики! Нѣтъ!—заявили ему. („У. Рос.“)